

УДК 300-399

АМЕРИКАНСКИЙ СИМВОЛ ДЕМОКРАТИИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

© 2013 г. **А.Н. Третьюхин***
МГИМО, ГАУГН, Москва

В статье описываются исторические и языковые (лексико-семантические, грамматические, графические) предпосылки превращения фразы «Мы, народ...» (We the People), открывающей Конституцию США, в устойчивый символ американской нации, а также перечисляются важнейшие контексты, в которых этот символ функционирует в современном политическом дискурсе.

Ключевые слова: Конституция США, Декларация независимости, мы-народ.

За 200 с лишним лет своего существования Конституция Соединённых Штатов Америки оказала глубокое воздействие не только на социально-политическую сторону жизни страны, но и на психологию, культуру и язык нации, поскольку этот документ (наряду с Декларацией независимости) давно превратился в важнейший текст-символ национальной идентичности [1, с. 147–49].

В современном английском языке американцев активно живут многие слова и понятия, связанные с Конституцией. Одни взяты из текста документа: «Билль о правах» (*Bill of Rights*), «надлежащие правовые процедуры» (*due process*), «Послание о положении в Союзе» (*State of the Union*) и т.д., другие отражают историю его создания: «Вирджинский план» (*the Virginia plan*), «Белликий компромисс» (*the Great Compromise*), «дневник Мэдисона» (*Madison's Journal* и т.д.). Третьи возникли в ходе его толкования, как научного, так и народного: «широкое/узкое толкование» (*loose/strict construction*), «разделение властей» (*separation of powers*), «сухой закон» (*Prohibition*), «воспользоваться Пятой поправкой» (*to take the Fifth*), привлечение к ответственности дважды за одно и то же правонарушение» (*double jeopardy*), «карманное вето» (*pocket vet*), «права Миранды» (*the Miranda rule/rights*) и т.п.

Однако наиболее известным словосочетанием по праву считаются слова «Мы народ» (*We the People*), открывающие великий документ. Они давно стали своеобразной визитной карточкой, или логотипом, американской Конституции. История появления этой фразы в тексте Основного документа, её первоначальный и нынешний смысл продолжают интересовать исследователей.

---

* ТРЕТЬЮХИН Александр Николаевич – кандидат филологических наук, доцент МГИМО, заведующий кафедрой иностранных языков факультета мировой политики Государственного академического университета гуманитарных наук.

Как известно, делегаты Конституционного конвента – создатели Конституции/основатели нации/отцы-основатели – прибыли в Филадельфию в мае 1787 г. с далеко не одинаковыми взглядами и установками. Одни делегаты были твёрдо настроены совершенствовать уже имевшуюся конституцию – Статьи Конфедерации/Договор об образовании конфедерации (*The Articles of Confederation*). К этой группе, безусловно, относились Джон Дикинсон (один из авторов «Статей Конфедерации»), представлявший штат Делавэр, Роджер Шерман из Коннектикута, Уильям Патерсон от штата Нью-Джерси. Другие участники конвента полагали, что нужна новая конституция, которая укрепила бы союз штатов на основе принципа национального единства. Ядро этой группы сформировалось из вирджинцев (Джордж Вашингтон, Эдмунд Рэндолф, Джон Мэдисон) и пенсильванцев во главе с Бенджамином Франклином. Работа над конституцией заставляла делегатов идти на серьёзные взаимные уступки. Неудивительно, что окончательный документ никого из активных участников конвента полностью не удовлетворил [17, р. 269-276] и что в тексте Конституции, сшитой из компромиссов, можно обнаружить немало расплывчатых формулировок, недомолвок и умолчаний, умышленных двусмысленностей и даже хитрых уловок*, за которыми просматриваются «родимые пятна» конфедеративного мышления.

В частности, отсутствие чёткости в определении природы политической организации государства сказывалось в том, что вплоть до Гражданской войны все президенты, включая и такого яркого поборника Союза, как президент Джексон, называли Соединённые Штаты и союзом, и республикой, и конфедерацией, не проводя никакой разницы между этими понятиями**. Так, например, Джеймс Полк, 11-й президент США, близкий друг и последователь Эндрю Джексона [2, с. 162], в инаугурационной речи 4 марта 1845 г. называл страну – «наша республика», «наш Союз», «наше федеративное образование», «наш федеральный союз», «система соединённых и конфедеративных штатов», «наша конфедерация», «наш Союз является конфедерацией независимых штатов...» [2, с. 173–174].

Уже первые слова преамбулы «*We the People of the United States...*» располагают к весьма неоднозначному их прочтению. Постараемся услышать значения этих слов в историко-языковом контексте.

В августе 1787 г. комитет по деталям представил делегатам конвента первый вариант связного текста Конституции, который открывался введением, или преамбулой, следующего содержания: «*We the People of the States of New Hampshire, Massachusetts... and Georgia* [перечислены все 13 штатов по географическому принципу с севера на юг], *do ordain, declare and establish the following*

---

* Среди американцев бытует мнение, что конституция – это «соглашение о разногласиях» (*an agreement to disagree*), «документ сознательного компромисса» (*a document of conscious compromise*) (<http://community.nytimes.com/comments/thecaucus.blogs.nytimes.com/2011/01/05/an-annotated-guide-to-the-constitution/>).

** См., например, инаугурационные речи президентов от Джексона до Бьюкенена [2].

Constitution for the government of ourselves and our posterity*. Там образом, творцами конституции и носителями суверенитета выступали граждане отдельно взятых штатов (*several States*), т.е., иначе говоря, не единый американский народ, а народы отдельных штатов, что подчёркивало конфедеративную природу союза и не противоречило Статьям Конфедерации. Безусловной заслугой комитета по деталям и, в частности, основного составителя первоначального текста, пенсильванца Джеймса Уилсона, горячего сторонника идеи «народного суверенитета» (*popular sovereignty*), следует считать введение фразы «*We the People*», которая, как утверждают специалисты, к тому времени была хорошо известна**. Достаточно напомнить, что очень похожая фраза («*We, therefore, the people of Massachusetts...*») использована в конституции Массачусетса (1780 г.), одним из авторов которой был Дж. Адамс. Она во многом послужила моделью для создания федеральной Конституции 1787 года.

8 сентября конвент поручил комитету по стилю отредактировать новый текст документа, что и было сделано к 12 сентября. Основную работу выполнил Г. Моррис, ещё один делегат от Пенсильвании. Моррис фактически заново написал преамбулу, придав ей тот вид, в котором она и вошла в окончательный текст: «Мы, народ Соединённых Штатов, дабы образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим, торжественно провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединённых Штатов Америки» [3, с. 16]**.

Автор не перечислил штаты, он использовал обобщение «...of the United States...», которое выступало синонимом слова *Union* (союз)*** и его, стало быть, не следует путать с именем собственным *the United States of America*,

---

* «Мы, народы штатов/республик Нью-Хэмпшира, Массачусетса... и Джорджии предписываем, провозглашаем и устанавливаем данную Конституцию, создавая правительство для себя и своих потомков».

** Такое мнение, например, высказывает профессор истории Пенсильванского университета Р. Биман в блоге от 5 февраля 2010 г. (<http://processandpreserve.wordpress.com/2010/02/05/what-constitutes-a-physical-copy-of-the-u-s-constitution/>); А.А. Мишин и В.А. Власихин утверждают, что выражение было заимствовано из английской неписаной конституции [3, с. 17]. Американский историк Чарлз Л. Ми считает, что с лёгкой руки председателя комитета по деталям Джона Ратледжа была использована фраза из договора ирокезских племён 1520 г., который открывался словами: «*We, the people, to form a union, to establish peace, equity and order...*» [17, р. 237]; точку зрения Чарлза Ми разделяет и Джералд Фрезия [14, р. 76], который в свою очередь ссылается на книгу Брюса Джохансена [10].

*** *We the People of the United States, in Order to form a more perfect Union, establish Justice, insure domestic Tranquility, provide for the common defence, promote the general Welfare, and secure the Blessings of Liberty to ourselves and our Posterity, do ordain and establish this Constitution for the United States of America.*

**** По мнению Орестаса Браунсона, автора выдающейся, но несправедливо забытой книги XIX века «Американская Республика», фраза *the United States* в начале преамбулы не является именем собственным, поскольку слово *United* следует понимать как «обычное прилагательное к определяющему слову *States*». Таким образом, заключает автор, «носителем суверенитета выступает Союз, а не отдельные штаты» [9, р. 110].

завершающим преамбулу*. Во многих местах текста Конституции фраза *the United States* служит не только синонимом слова *Union*, но и аналогом слова *nation(al)* («нация», «национальный»), которое «отцы-основатели» договорились не использовать вообще. Заметим, что делегаты согласились с новой редакцией без обсуждения. Иными словами, они были удовлетворены. Более того, указанное словосочетание позволяло избежать тупикового положения при отказе некоторых штатов одобрить предлагаемый текст и надеяться на создание нового союза, если новую Конституцию одобряют хотя бы девять штатов**.

Но вернёмся к фразе *We the People* и рассмотрим её **лексико-грамматические и структурные особенности**.

Важнейшая лексическая особенность обоих слов – их неоднозначность. Местоимение «мы» (*we*) может наполняться как инклюзивным/включающим смыслом (*we all* – *мы все*), так и эксклюзивным/исключающим и противопоставляющим смыслом (*we vs. he/they* – *мы против он/они*).

В великих американских документах прошлого местоимение *we* употреблялось и так, и эдак. В инклюзивном смысле оно относилось к лицам, ставившим свои подписи под документом. Так, например, составлено Мейфлауэрское соглашение, открывающееся словами *We whose names are underwritten...* (*Мы, нижеподписавшиеся...*). Декларация независимости тоже написана от лица подписавшихся (***We*** *hold these truths to be self-evident...* – **Мы** считаем самоочевидными истины...; ***We***, *therefore, the Representatives of the united States of America...* – Поэтому **мы**, представители соединённых Штатов/Республик Америки...), но в некоторых местах текста Декларации местоимение *we* следует толковать в эксклюзивном, противопоставляющем ключе, приравнивая его к «*our people vs. The King/our British brethren* – наш народ против Короля/наших британских братьев» (...***We*** *have petitioned for Redress...* – **мы** просили о восстановлении прав; ***We*** *have warned them/our British brethren* – **мы** предупреждали их/наших британских братьев). Семантическая неоднородность местоимения ***we*** наблюдается и в тексте Конституции, хотя в этом документе, который в отличие от революционной Декларации независимости носит консолидирующий характер, смысловые оттенки *we* возникают на базе лишь инклюзивного значения, правда объём включённости – разный. Предельно широкое *We* (т.е. *the People*) из преамбулы контрастирует с узким ***We*** из последней, седьмой, статьи Конституции (...*In Witness whereof **We** have hereunto subscribed our Names...* – В удостоверение чего **мы** поставили здесь наши подписи [3]), где речь идёт о делегатах, подписавших окончательный текст документа.

Говоря о семантическом наполнении слова ***We***, важно помнить, что по завершении филадельфийского конвента 17 сентября 1787 г. конституционный процесс в виде ратификационного марафона переместился на территории всех штатов, где творцами конституции выступали делегаты специальных конвен-

---

* Именно такую путаницу в переводе преамбулы (помимо прочих огрехов) допускает А.А. Громбах, переведивший с немецкого языка на русский книгу Г. Мюнстерберга «Американцы»: «Мы, народ Соединённых Штатов, принимаем и постановляем нижеследующую конституцию, чтобы этим вызвать более полное единение, установить справедливость, обеспечить внутреннее спокойствие, заботиться о совместной защите, способствовать общему благополучию и обеспечить себе и своему потомству блага свободы» [4, с. 64].

** Так, в частности, объяснял мотивировку новой редакции Джефферсон Дэйвис (<http://www.mutualist.org/id21.html>).

тов по ратификации, т.е. не Конгресс, не законодательные органы штатов, а народ этих штатов. Именно для них в Филадельфии и была заготовлена фраза «*We the People of the United States...*» поскольку в конечном счёте именно они осуществляли то действие, которое в преамбуле выражается глаголами «*ordain and establish*» («провозглашаем и устанавливаем»).

Особого внимания заслуживает тема королевского «Мы» (*the royal «We»*) во фразе *We the People*. «Королевское» употребление местоимения первого лица множественного числа придаёт ему эксклюзивный/исключающий, а не инклюзивный/включающий, характер. С XII века в английском языке укореняется традиция, по которой монархи говорят о себе во множественном числе. Так это делает шекспировский Король Лир «*We have divided, in three, our kingdom*» – «**Мы** разделили край **наш** на три части» (пер. Б. Пастернака). Скорее всего, местоимение множественного числа подразумевает единство монарха и Бога и, таким образом, указывает на источник верховной власти суверена. По мнению Томаса Рассела Вингейта, если бы в преамбуле американской конституции отсутствовало местоимение **We**, это не нанесло бы ущерба грамматике и общему смыслу текста, но исчез бы подтекст, который, недвусмысленно намекает на то, кто является носителем верховной власти: народ как коллективный суверен [27].

Трактовка **We** как королевского местоимения наделяет фразу в целом революционным антимонархическим смыслом, являясь прививкой против тирании монархии. Этот смысл актуален не только для XVIII века. Нередко, когда американцы (особенно те, что придерживаются либертарианских взглядов) усматривают в действиях властей признаки тирании, они обращаются к преамбуле конституции. Так, после принятия новой Стратегии национальной безопасности 17 сентября 2002 г. известный американский фермер и литератор Венделл Берри опубликовал 2 февраля 2003 г. в газете «Нью-Йорк таймс» статью, в которой обратил внимание на то, как в ключевом положении документа, подписанного президентом Дж. Бушем-мл., употреблено местоимение **we**: *While the United States will constantly strive to enlist the support of the international community, we will not hesitate to act alone, if necessary...* – *Соединённые Штаты будут постоянно стремиться заручиться поддержкой международного сообщества, однако, если потребуются, мы без колебаний будем действовать в одиночку...* По мнению Берри, это не то **we**, которое в Декларации независимости обозначало людей, подписавших документ с убеждением, что «справедливая власть [правительств] основывается на согласии управляемых» и не то **we**, которое в Конституции относится к народу Соединённых Штатов. Это – королевское «**мы**», заключает Берри.

В этой связи нелишне вспомнить, что и в Америке, и в Европе Дж. Буша-мл. иногда называли «Джордж Второй» (*George the Second*). Например, журнал «Экономист» писал (17 января 2009 г.): Джордж *Второй пренебрегает правилами правления, установленными праотцами*. В отклике на статью Берри американская активистка Кэрол У. Кристен подытожила: «Теперь "мы-народ" противостоям королевскому самозванному "**мы**" исполнительной власти».

Примечательной чертой семантической структуры второго компонента фразы, *the People*, следует признать её историчность: изменявшиеся со временем социально-политические условия жизни американцев заставляли по-новому понимать это слово. В XVIII веке, по свидетельству «Большого оксфордского

словаря», слово (*the*) *People* могло употребляться по крайней мере в трёх интересующих нас значениях: «народ/народы, нация/нации»; «граждане, наделённые активным избирательным правом; избиратели»; «простые люди». Последнее значение явно не вписывается в концепцию «отцов-основателей», исключавших из числа избирателей не только индейцев, рабов, женщин, но и представителей недостаточно состоятельных слоёв белого мужского населения. Таким образом, понятие *the People* ограничивалось определениями «белые состоятельные лица мужского пола» (*white property-owning males*^{*}).

Важно заметить, что форма множественного числа – *peoples* – в XVIII веке употреблялась крайне редко, и поэтому в значении *nations* (народы) могла использоваться форма единственного числа, о чём свидетельствует пример из сочинений Джефферсона, датированный 1793 г.: *I will prove that the agents of the two people (the U.S. and France) are either great bunglers or great rascals*^{**}. – Я докажу, что представители двух народов – либо великие путаники, либо великие мошенники.

В преамбуле Дж. Уилсона слово *the People* скорее всего следует понимать как аналог современной формы множественного числа, т.е. «*the peoples*» («народы»). То, что жители отдельных штатов почитали себя самостоятельными народами отнюдь не преувеличение. Историк Д. Бурстин, например, считает, что «независимость создала не одну, а тринадцать наций», а Соединённые Штаты, провозглашённые в Статьях Конфедерации, по его мнению, скорее походили на ООН, учреждённую Хартией 1945 г. [7, р. 405]^{***}, которая, как известно, открывается словами «*We the peoples of the United Nations...*». В редакции Г. Морриса меньше определённости, поскольку толкование слова *the People* может в равной мере отталкиваться как от формы единственного числа («народ» союза), что, конечно, могло импонировать вкусам федералистов-националистов, так и от формы множественного числа («народы» союза), что приветствовалось так называемыми антифедералистами^{****}. Вполне допустимо, что «отцы-основатели» умышленно воспользовались потенциалом двусмысленности слова *the people*, что приводило последующих толкователей к

---

* «The “people” entitled to vote has expanded from **white property-owning males** to all citizens over eighteen years of age» [11, р. 35]. – «Понятие “избиратели” расширилось и включает не только белых состоятельных лиц мужского пола, но всех граждан старше восемнадцати лет».

** См.: Большой оксфордский словарь, вокабула «people» [12]. В XX веке форма множественного числа (*peoples*) в схожем контексте звучит совершенно естественно. Вот как, например, У. Черчилль описывает легендарное совместное англо-американское богослужение на борту английского линкора «Принц Уэльский» в августе 1941 г.: *This service was felt by us all to be a moving expression of the unity of faith of our two peoples...* – *Это богослужение воспринималось всеми нами как выражение единства веры наших двух народов* [18, р. 39].

*** Аналогичной точки зрения придерживается историк Ричард Нортон Смит, сравнивая тогдашний союз американцев с нынешним Североатлантическим союзом [21].

**** Сам Г. Моррис, убеждённый сторонник образования нации, позже написал, что Конституция являлась соглашением не между отдельными людьми, а между политическими сообществами, народами, не Америки, а Соединённых Штатов, каждый из которых обладал суверенитетом и, конечно, равными правами. Уместно заметить, что в конфедеративной конституции, принятой 7 февраля 1861 г. отколовшимися от Союза штатами, сохранена словоформа *people*: «*We the people of the Confederate States...*» А ведь Конфедерация южных штатов менее всего стремилась к образованию единой нации, ставя во главу угла своих взаимоотношений права штатов (*states' rights*).

бесконечному спору о том, кто *является* носителем верховной власти – народ Соединённых Штатов в целом или народы отдельных штатов.

В течение 40–50 лет, начиная с первых шагов освоения западных территорий (на основе закона «О северозападных районах» 1787 г.) и до президентства Эндрю Джексона (1829–1837), на американскую политическую сцену постепенно выходят люди с Запада. Их появление бесповоротно меняет значение слова the **people** в сторону расширения за счёт значения «простые люди». Как отмечает Джон Митчем, «[до] Джексона можно было рассуждать об Америке, не ставя the *people* [«народ/простой народ»] в центр политической жизни; после Джексона это было немыслимо» [16]. По мнению того же автора, основополагающий принцип философии Джексона – «*the majority is to govern – править должно большинство*» – противоречил замыслам «отцов-основателей», которые «сознательно создавали не демократию, а республику» [16]. Наделение женщин и темнокожих американцев избирательным правом наполнило слово the **people** ещё большим демократическим содержанием.

В этой связи уместно вспомнить исполненные горькой иронией слова Барбары Джордан, темнокожей американки, члена Палаты представителей Конгресса США в 1972–1978 гг.: «*Когда, 17 сентября 1787 г., работа над Конституцией Соединённых Штатов была завершена, я не была включена в «мы-народ». Много лет мне казалось, что Джордж Вашингтон и Александр Гамильтон просто по ошибке забыли обо мне. Но в процессе поправок, толкований и судебных решений я, в конце концов, стала частью понятия «мы-народ»*»*

С другой стороны, во второй половине XIX века линкольновская идея неделимого союза, закреплённая в языке сочетаемостью названия страны с формой глагола в единственном числе (*the United States is/has/does...*) [5], а также укоренение в языке самостоятельной формы множественного числа **peoples**, что сняло потенциальную двусмысленность со слова *people* и превратило употребление его в значении «народы» в анахронизм, – всё это открыло путь для понимания the **people** как эквивалента понятия «единая нация», более поздним синонимом которого можно считать фразу **We Americans** («Мы – американцы»)**.

Не лишены историко-лингвистического интереса и некоторые структурные особенности фразы «**We the people**», а именно её синтаксическое и графическое оформление.

Внимательный наблюдатель не может не заметить, что данное выражение существует в двух синтаксических вариантах: с запятой после местоимения и

---

* «...when the Constitution of the United States was completed on the seventeenth of September in 1787, I was not included in that «We the people.» I felt for many years that somehow George Washington and Alexander Hamilton just left me out by mistake. But through the process of amendment, interpretation, and court decision, I have finally been included in «We the people» (http://womenshistory.about.com/od/quotes/a/barbara_jordan.htm).

** Небезынтересно напомнить, например, знаменитый контекст, в котором Генри Люс в своём журнале «Лайф» употребил слова «*we Americans*» в 1941 г., говоря о международных задачах Америки: «...Какой интернационализм должны мы – американцы предложить [миру]?... Необходимо, чтобы все народы разделили с нами Билль о правах, Декларацию независимости, нашу Конституцию, наши великолепные промышленные товары и наши технические навыки. Это должен быть интернационализм народа, волей народа и для народа» [15, p. 323].

без неё. Сейчас трудно сказать, почему так произошло. Известно, что в типографской распечатке текста, представленного 6 августа 1787 г. на суд делегатов комитетом по деталям (текст Джеймса Уилсона), запятая отсутствует. Более поздние типографские варианты (имеются в виду текст комитета по стилю, написанный Г. Моррисом*, и текст, появившийся в открытой печати 19 сентября) напечатаны с запятой, что не соответствует тексту, нанесённому на пергамент и подписанному делегатами 17 сентября 1787 года.

Вероятность того, что в каноническом тексте на пергаменте (*the engrossed copy*) запятая отсутствует по недосмотру очень мала. Ведь письменный текст имеет статус официального юридического документа, под которым и поставили свои подписи делегаты конвента. Отношение к юридическим документам такой важности было максимально скрупулёзным. Достаточно вспомнить, например, что окончательный текст Декларации независимости шлифовался до каждой прописной или строчной буквы, а Статьи Конфедерации пришлось переписать из-за ошибки в первой рукописной копии. Более того, в последний день работы конвента (17 сентября) окончательный текст был не только заслушан, но и дополнен концовкой, предложенной Б. Франклином. Стало быть, текст ещё раз анализировался и дописывался на пергаменте. А вот печатники были поставлены в жёсткие рамки. Они должны были подготовить исправленный текст Конституции к десяти часам утра следующего дня, с тем, чтобы отправить его вместе с рукописным текстом в Нью-Йорк на представление Конгрессу. Вполне возможно, что пунктуация того времени допускала оба варианта.

Так или иначе, сегодня существуют две традиции синтаксического оформления знаменитой фразы. Одна, без запятой, восходит к каноническому тексту на пергаменте, другая (с запятой) – к типографским текстам. В течение XIX века предпочтение отдавалось второй традиции. Объясняется это скорее всего тем, что на протяжении большей части столетия (до 1885 г.) рукописный текст Конституции с подписями «отцов-основателей» был фактически неизвестен. Он находился в хранилище библиотеки Госдепартамента и, видимо, мало кого интересовал. В отличие от Конституции пергамент с текстом Декларации независимости был выставлен на обозрение в той же библиотеке. Более того, известны многочисленные репродукции текста Декларации, что способствовало превращению его в зрительный образ и в конечном счёте в мощный национальный символ. В этом отношении в XIX веке Конституции повезло меньше, поскольку в силу указанных причин она не могла закрепиться в сознании американцев в качестве символа, построенного на основе уникального рукописного текста, созданного переписчиком Дж. Саллусом [13]. Конституция тиражировалась по типографским источникам, т.е. с запятой во фразе *We, the people*, как это сделано, например, в учебнике истории 1885 года издания [8]. В действующих конституциях отдельных штатов царит разнобой. Если верить их официальным сайтам, на сегодняшний день в девяти конституциях подобная фраза вообще отсутствует. В десяти – она встречается без запятой, а в остальных случаях (а это абсолютное большинство текстов) – фраза с запятой. При этом следует помнить, что в некоторых штатах нынешняя конституция – отнюдь не

---

* Рукописный текст Г. Морриса не сохранился [13].

первая и не последняя, как в Массачусетсе. В Огайо, например, действует вторая конституция, в Нью-Йорке – четвёртая, а в Луизиане и Джорджии – девятая. И в разных конституциях тоже может быть всё по-разному.

После Гражданской войны 1861–1865 гг. внимание к Конституции усиливается в ходе строительства «более совершенного союза» и в результате принятия трёх поправок (XIII, XIV и XV) в 1865–1870 гг. В 1887 г. отмечалось столетие Конституции. В честь этого события была выпущена памятная медаль с изображением профилей президентов Джорджа Вашингтона и Гровера Кливленда. Однако рукописный оригинал документа стал доступным широкой общественности лишь после того, как он, наконец, вместе с Декларацией независимости, разместился на стендах Библиотеки Конгресса в 1924 году.

Отдельно от текста фраза *We the People* выделялась уже в XVIII веке (например, письмо Дж. Вашингтона от 10.11.1787 г.^{*}), но лишь для того, чтобы обозначить начало конституции. В XIX веке слова *We the people* уже использовались как символическое обозначение Конституции, хотя, по известным причинам, и не приобрели ещё графическую форму, копирующую рукописный оригинал. Именно так они использованы, скажем, на юбилейной марке к столетию США (1876 г.) с изображением женской фигуры (*Lady Columbia* – старый символ США), над которой вьётся лента со словами **WE THE PEOPLE**^{**}, написанными печатными буквами.

В XX веке фраза приобретает вполне самостоятельную структурно-семантическую ценность и широко употребляется в американской политической практике за пределами исходного текста. С распространением факсимильных репродукций пергаментного оригинала первые слова преамбулы тиражируются и закрепляются в общественном сознании не только как легко узнаваемый логотип Основного закона США, но и как названия многих общественно-политических организаций, движений, юридических фирм, торговых компаний и т.п.

В современной письменной речи, помимо факсимильного воспроизведения, эта фраза легко употребляется вне исходного текста в самых разнообразных графических модификациях: в кавычках и без них, с использованием только прописных букв или только строчных, с запятой и без неё (*We, the People*^{***}; «*We the People*»; *we the people* и т.д.).

Перенос этой фразы как самостоятельной лексической единицы в разнообразные тексты ведёт к возникновению некоторых синтаксических условий, под влиянием которых фраза приобретает признаки либо местоимения (если внимание фокусируется на первом компоненте лексической единицы – **we**), либо существительного (если внимание фокусируется на втором компоненте лексической единицы – **the people**), либо прилагательного. Приведём характерные примеры – в первом из них фраза имеет **местоименный** характер, во

---

* Он писал: «...объединяться штатам или нет? Если найдутся люди, предпочитающие последнее, то тогда, конечно, предлагаемая конституция, по их представлениям, оказывается негодной от первых слов мы-народ до подписей составителей...»

([http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/mgw:@field\(DOCID+%lit\(gw290241\)\)](http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/mgw:@field(DOCID+%lit(gw290241)))).

** Репродукцию марки можно увидеть в иллюстрации к «Федералисту» [6, с. 320–321].

*** Так, например, называется книга о работе американского Конгресса [21].

втором она наделяется чертами **существительного**, а в третьем функционирует как **определение** и, стало быть, напоминает прилагательное¹:

В первом примере **We, the people** по значению приближается к личному местоимению с уточняющим вторым компонентом и поэтому хорошо рифмуется с более широким местоимением **we** в том же предложении. Уточнитель **the people** показывает зону, в которую включается говорящий вместе с теми, к кому он обращается. В качестве аналогичных примеров можно вспомнить местоименные фразы **We Americans («Мы – американцы»)**, **We Europeans («Мы – европейцы»)**, **We Republicans («Мы – республиканцы»)**, и т.п., которые традиционно обходятся без запятой. В этой связи любопытно заметить, что на русский язык переводить *We the people* лучше «Мы-народ»^{**}, а не «Мы, народ»: **Мы-народ** должны иметь больше контактов с политиками, с тем чтобы мы могли ради общего благополучия отстаивать принципы честности и справедливости в политике.

Во втором примере фраза ведёт себя не как местоимение (иначе было бы «...to **us, the people**»), а как существительное в модели to restore smth to **sb**:...можете быть уверены, что это движение восстановит контроль над нашим правительством и передаст этот контроль в руки **«мы-народу»**.

В третьем примере фраза целиком употреблена как определение, причём она не стянута дефисами, как это часто делается в английском языке в подобных случаях, что свидетельствует о значительном лексико-семантическом единстве фразы: У Демократической партии есть возможность... содействовать появлению **«мы-народных»** законодателей.

Совокупность описанных историко-языковых особенностей фразы **We the people** из канонического рукописного текста, а именно: вынесение её в стартовую позицию в отличие от массачусетского варианта; запоминающееся графическое оформление; отсутствие запятой, что снимает синтаксическое давление последующего текста и помогает воспринимать фразу как единый автономный лексический комплекс; её лексико-семантические и грамматические свойства – всё это способствовало не только обособлению этих трёх слов в самостоятельное устойчивое выражение, но и превращению их в один из национальных символов-образов наряду с флагом (*Stars and Stripes*), орлом (*National Bird/American eagle*), гербом (*Great Seal of the United States*), статуей Свободы (*Statue of Liberty*) и прочими символами Америки:

---

¹ 1) **We, the people, need better access to politicians, so that we can insist on policies of justice and fairness for the benefit of the common good.**

2) *When so many wealthy corporations and ultra-rich conservatives are against a movement to take control of our own government spending, you can be sure that it's a movement that will restore control of our government to **we, the people**.*

3) The Democratic Party has the opportunity to undertake a change in the paradigm of human governance and to champion the lost vision of our Founders, and help make **We, the People** lawmakers. (<http://www.americancorpus.org/x.asp?L=e&co=anc&c=wommyxcwe&e=trelana40@list.ru>).

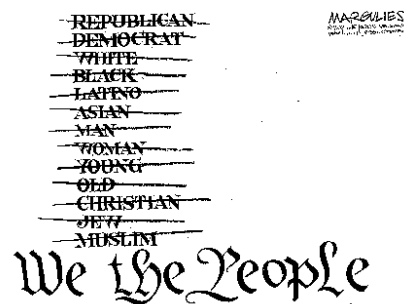
^{**} Такой перевод, например, предлагается в книге «Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001)». См. первую инаугурационную речь Р. Рейгана: «Короче говоря, это “мы-народ”, порода, именуемая американцами» [2, с. 467].

В современной американской политической практике символ *We the people* используется, как правило, в двух контекстах – национально-патриотическом и фракционно-протестном.

Патриотический контекст эксплуатирует объединительную силу инклюзивного местоимения *we* (т.е. *we all*) вкупе со значением «народ/нация» слова *the people* для создания стереотипа нерушимого союза как основы национального мышления. На протяжении всей истории американской нации идея союза закреплялась при помощи многих инструментов, в том числе и языковых: «сплотившиеся республики Америки» (*united States of America*) из Декларации независимости, «вечный союз» (*perpetual union*) из Статей Конфедерации, «более совершенный союз» (*...a more perfect union...*) из Конституции, «Союз» (*the Union*) в понимании президентов Э. Джексона и А. Линкольна, «совершенный союз, единый и неделимый» (*...a perfect union, one and inseparable...*) из кредо американца, «единая и нерушимая нация под Богом» (*...one Nation under God, indivisible...*) из Клятвы на верность флагу и т.п.

В недавнем прошлом американцы пережили апогей сплочённости во время трагических событий 11 сентября 2001 г. Характерным выражением национального единения тех дней может служить яркий графический образ, созданный карикатуристом Джимми Маргулисом, на основе фразы *We the People*:

Фракционно-протестный контекст американского политического дискурса смещает фокус внимания на эксклюзивный характер местоимения *we* (*we vs. they*), а во втором компоненте фразы актуализируется значение «народ/простые люди», что вдохновляет на размышления о республиканских и демократических чертах американского образа жизни. Именно на этой смысловой стороне фразы часто делал акцент президент Р. Рейган, используя её в своих речах. Вот характерный пример из прощальной речи президента 11 января 1989 г: «Наша революция впервые в истории человечества произвела подлинный переворот в устройстве государства и сделала это при помощи трёх коротких слов: «*We the People*» [«мы-народ»]. «Мы-народ» говорим правительству, что следует делать, не оно говорит нам. «Мы-народ» – водитель, а правительство – машина».

* «*Ours was the first revolution in the history of mankind that truly reversed the course of government, and with three little words: "We the People." "We the People" tell the government what to do, it doesn't tell us. "We the People" are the driver, the government is the car.*»

Понятно, что в борьбе за голоса избирателей политики соревнуются за право называться выразителями интересов «простых людей», т.е. *the people*, что должно обеспечить претендентам на власть поддержку демократического большинства. В этом контексте *We the people* не объединяет, а противопоставляет соперничающие политические силы. Так, в предвыборной президентской гонке 2008 г. республиканцы и демократы ожесточённо боролись за «Джо-водопроводчика», среднего американца (*Joe the Plumber / Average Joe*), ставшего символическим представителем простых людей. Любопытно, что сама структура номинации «*Joe the Plumber*» как эхо повторяет структуру «*We the people*». Борьба за право называться кандидатом «от народа» (*just folks/ordinary folks/regular people*) стала центральным сюжетом всей предвыборной кампании 2008 г. Сары Пейлин, республиканского кандидата в вице-президенты, что едко высмеивалось юмористами. В одном из скетчей «Сара Пейлин» в исполнении пародистки Тины Фей, стоя на фоне слов ***We the people***, рассказывает о «себе»: *Я буду говорить как человек со стороны. Понимаете, все эти годы сенатор Байден провёл в Вашингтоне, а я в это время была с нормальными людьми – хоккейными мамашами и работягами с пивком**.

Собственно протестный контекст – как правого, так и левого толка – тоже широко использует фразу *We The People* в значении «народ/простые люди». В качестве примера можно привести фразеологию двух наиболее известных сейчас общественно-политических движений в Америке – Движения чаепития и Движения «Захвати Уолл-стрит» («*Occupy Wall Street*»).

Движение чаепития (*the Tea Party movement, the Tea Party Patriots, the Tea Partyers*) – консервативное общественное движение, близкое к Республиканской партии и её лидерам, выступающим за снижение налогов и компактное правительство. Во многом благодаря этому движению республиканцам удалось в результате промежуточных выборов в 2010 г. отвоевать у демократов контроль над Палатой представителей в Конгрессе. Участники движения называют себя «патриотами», последователями героев «Бостонского чаепития» 1773 г., продолжателями дела американской революции.

«Патриоты чаепития», выступая против правительства президента Обамы, апеллируют к отцам-основателям и видят себя хранителями исторических американских традиций и ценностей, т.е. *We the People*. При этом они заряжают свои пламенные речи сильнодействующими фразами, мало заботясь об исторической достоверности. Так, в одном из пропагандистских видеороликов под названием «Мы – народ Чайной партии/ вторая Американская революция началась» (*We the People of Tea Party Time / The second American revolution has begun*) артист в образе Томаса Пейна как бы напоминает зрителям (в апреле 2009 г.!), что «233 года тому назад** молчаливое большинство Бостона (понятие времён президента Никсона. – *A.T.*), сытое по горло налогами без представительства в парламенте, просто “провело небольшое чаепитие” для того, чтобы доказать, что разгневанный “мы-народ” поднимается на борьбу. Так началась Американская революция» [19].

* По материалам сайта Би-би-си (*BBC World Service*) 14.10.2008 года.

** На самом деле «Бостонское чаепитие» имело место в 1773 году.

Движение «Захвати Уолл-стрит», возникшее в сентябре 2011 г., объединило тысячи людей левых взглядов, которые вышли на улицу протестовать против несправедливого распределения доходов, растущей пропасти между сверхбогатыми, составляющими 1% населения, и бедными, против жадности больших корпораций. Протестующих объединяет лозунг *We are the 99%* (*Мы – это 99%*), в котором вновь угадывается отзвук *We the People*, т.е. «мы-народ/простые люди», противостоящие правительству и корпорациям. Неудивительно, что фраза *We the People* оказалась очень востребованной и в данном протестном движении, что видно из следующей прокламации: «Мы-народ» поддерживаем движение “Захвати Уолл-стрит”; почему этого не делает Конгресс? Слишком долго “Мы-народ” стояли в стороне, когда представители правительства нашей страны урезали наши социальные программы, чтобы убогатить доноров своих политических кампаний»^{*}.

* * *

Завершая краткое историко-лингвистическое описание фразы *We the People*, хочется отметить, что её почтенный возраст не сказывается на её живости – она живёт в языке полнокровно и самостоятельно, переливается разными смыслами, важнейшие из которых я попытался схватить. Выступая как неотъемлемый символ нации, эта фраза имеет и объединительный (*We the People = We Americans*), и разделительный (*We the people vs. the government, etc*) смыслы. И в этом нет противоречия, как нет противоречия в американском лозунге «Из многого – единое» (*e pluribus unum «out of many, one»*), как нет противоречия в известных словах Т. Джефферсона «*Все мы республиканцы, все мы федералисты*», (*We are all Republicans, we are all Federalists*), как нет противоречия и во многих других «противоречивых» американских институтах, включая саму Конституцию страны. Действительно, ***We the people*** в протестном контексте отражает суть Билля о правах, однако та же фраза в национально-патриотическом контексте отражает суть Конституции как верховного закона, сплачивающего нацию. В этом – логика демократической федеральной республики: от свободы слова к закону, перед которым все равны, от свободы политического выбора к сплочению вокруг флага и президента.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: Наука, 1990. 240 с.
2. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) / Под общей ред. Э.А. Иваняна. М.: Стратегия, 2001. 528 с.
3. Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США. Политико-правовой комментарий. М.: Международные отношения, 1985. 334 с.
4. Мюнстерберг Г. Американцы. Том первый. Москва: Типография А.П. Поплавского. 1906. 400 с.

---

^{*} **We the People** Support Occupy Wall Street; Why Doesn't Congress? For too long, **We the People** have sat back while the governmental representatives of our nation have initiated fiscal policies to appease the donors of their campaign drives while taking away from our social services [20].

5. *Третьюхин А.Н.* Судьба имени в судьбе нации // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 6. С. 105–116.
6. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / Под общей редакцией Н.Н. Яковлева. М.: Прогресс – Литера, 1994. 591 с. + иллюстрации между С. 320–321.
7. *Boorstin D.* The Americans. The National Experience. New York, 1965. 517 p.
8. A Brief History of the United States by Joel Dorman Steel and Esther Baker Steel. New York. American Book Company, 1885. 364 p.
9. *Brownson Orestes A.* The American Republic. Its Constitution, Tendencies, and Destiny. Washington: Regnery Publishing, Inc., 2003. 220 p.
10. *Johansen Bruce E.* Forgotten Founders. Ipswich (Mass.): Bambit Incorporated, 1982.
11. *Burns J.M., Peltason J.W.* et al. Government by the People. 15 edition. New Jersey: Prentice Hall. 1993. 736 p.
12. The Compact Edition of the Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. New York: Oxford University Press, 1980.
13. *Dube Ann Marie.* A Multitude of Amendments, Alterations and Additions. Cultural Impact: Nineteenth Century Evolution of the Founding Documents as Symbols (http://www.nps.gov/history/history/online_books/dube/inde5.htm).
14. *Fresia Gerald John.* Toward an American Revolution: Exposing the Constitution and other Illusions. Printed in the USA. 1988.
15. *Luce Henry R.* The American Century // In: Culture and Commitment. 1929-1945. New York: George Braziller, 1973. 336 p.
16. *Meacham J.* The Change Agent // Newsweek. 10.11.2008.
17. *Mee Charles L., Jr.* The Genius of the People. New York: Harper and Row, Publishers, 1987. 348 p.
18. *Paxman Jeremy.* The English. Penguin Books, 2007. 309 p.
19. what-constitutes-a-physical-copy-of-the-u-s-constitution/ (<http://processandpreserve.wordpress.com/2010/02/05/>).
20. We-The-People-Support-Occu-by-Sтивен-Forrest-111025-546.html (<http://www.opednews.com/articles/>).
21. U.S. News & World Report. August 14–21, 2006. P. 60.
22. We, the People. The Story of the United States Capitol. Its Past and its Promise. The United States Capitol Historical Society in Cooperation with the National Geographic Society. Washington, 1974. 144 p.